

Глава 1

Небо чистое, как лист новенькой, только что купленной тетради, ни облачка, только утки летят косяком над лесом далеко за рекой. Тяжело летят, то ли устали на обратном пути, то ли встречный ветер мешает. А ветер усиливался, по «воздушным горкам» скатываясь вниз, дыша в лицо свежим запахом весны. Лед с реки сходит, на деревьях набухли почки, трава оживает. Только вот Егор Павлович этого уже не увидит, отгулял он свой земной путь, отстрадал. Тимофей вздохнул, нажимая на клавишу звонка. Свекор уже в земле, а они с Полиной только-только подъехали. Доверились прогнозу, весна, ехать всего сутки, думали, успеют к похоронам, но угодили в буран, дорогу занесло снегом, ни вперед, ни назад, полдня потеряли, надеялись утром быть, а уже вечер на носу. Еще не полноценная весна, злится зима,

огрызается мокрым снегом и ледяными дождями. Это сейчас ни облачка, а отца хоронили, говорят, небо плакало.

Дверь не отворялась, ни одна занавеска в окне не шевельнулась, а ворота уже стали открываться, кто-то привел в действие автоматику. Это неудивительно, людей в доме немало, во дворе три машины, четвертую впритык к собачьей будке придется ставить. Тимофей даже не знал, загонять ли свой «Крузер» во двор или оставить на улице.

— И как это называется? — тихо спросила Полина. — Заходите, если хотите?

— Это ты у меня дома или у братца своего?

Опоздать можно на деловую встречу, на свидание, но на похороны отца, тестя — ни в коем случае. Они это понимали, но все равно такое отношение вызывает обиду.

— Это я вообще!

Полина повела плечами, будто скидывала с них платок, вскинула голову, даже спину выпрямила и пошла барыней к дому. Не привыкла она к тому, чтобы ей выказывали пренебрежение. Она и в молодости не позволяла себя обижать, а сейчас и подавно. И красивая она женщина, и успешная, и палец ей в рот не клади.

— Харе Кришна!¹ — негромко сказал Тимофей.

Полина умела усмирять свой гнев, для этого она освоила сначала азы, а затем и глубины ме-

¹ Харé Кри́шна — индуистская мантра.

дитации, насыщенные индуистскими мантрами. Жаль, что порой она забывала об этой своей науке, приходилось напоминать.

Полина повела головой, собираясь глянуть на Тимофея, так и не обернувшись, но «газ» сбросила. И даже улыбнулась, когда наконец-то открылась дверь и появился Паша Дуванов. Рослый, щекастый, глаза, как пузыри на воде, такие же пустые, бесцветные и вот-вот, казалось, лопнут. Соображал он медленно, а движения были быстрыми, мысли порой не поспевали за телом.

Паша перелетел через площадку крыльца, одной ногой встал на верхнюю ступеньку и вдруг застыл. Только тогда его догнала мысль.

— А-а! Явились!

Полина всплеснула руками, останавливаясь, осуждающе глянула на брата. Но вместе с тем и улыбнулась, раскинув руки для объятия.

— И мы рады тебя видеть! — кивнул Тимофей, не очень-то любезно глядя на шурина.

Паша — человек, мягко говоря, сложный, нагрубить мог как по простоте душевной, так и со злым умыслом. Неуступчивый, вспыльчивый, временами глупый, спорить с ним о чем-то бесполезно, глаза выпучит, щеки раздует и напролом, а физически остановить его трудно. Рослый он, пузо тяжелое, кулаки крепкие, Тимофей однажды с ним подрался, воспоминания не из приятных.

— Это ты сейчас пошутил? — нахмурился Паша.

— Это я с тобой поздоровался! Пять лет не виделись.

— И еще столько мог бы не приезжать, — скривился шурин.

— Эй!

Полина надвинулась на брата. Она тоже высокая, но не в пример брату стройная, хотя и ширококостная. Ударить она могла больно, но боялся Паша не этого. Может, он ею и недоволен, но все же сестра, и, если перегнуть палку, она очень обидится и перестанет с ним разговаривать, такая перспектива его напрягала и останавливала. Какой-никакой, а предохранитель в голове у него имелся.

— Ну, здравствуй, сестренка!

Паша понял, что Полина первой с места не сдвинется и сам спустился к ней по ступенькам. Обнял ее, поцеловал, только тогда подал руку Тимофею.

— Чего так долго?

Полина звонила, говорила, из-за чего они задерживаются, Паша все знал, но тем не менее отвечать нужно без всяких оговорок и пояснений.

— Дорога подвела!

— Машину во двор можешь поставить, — предложил Паша.

Он едва взглянул на машину зятя. «Крузер» не совсем новый, три года уже, но Паша его раньше не видел. Да и не хотел видеть. Не очень-то радовали его карьерные и материальные успехи сестры.

— Да тесно у вас.

— Поцарапать боишься? — усмехнулся Паша так, будто уличил Тимофея в жлобстве.

— Может, подождать, когда гости разъедутся?

— Может, и разъедутся... — пожал плечами Паша. — Ну, чего стоим?

Дверь открылась, на крыльцо вышла Галина Дуванова. Молодая, слегка за тридцать, розовощекая, полногрудая, бедра широкие, ноги не столько толстые, сколько крепкие. Взгляд с огоньком, улыбка с юморком, веселые ямочки на щеках, такой Тимофей ее помнил. Галка и сейчас улыбалась, но как-то не очень весело.

— Ну, чего стоим? — так же спросила она.

Тимофей добродушно засмеялся. Жена повторила за мужем слова точь-в-точь, причем не сговариваясь, в другое время Паша посмеялся бы над этим, но сейчас он косо глянул на гостя, как будто непотребство какое-то услышал.

Дом у тестя очень даже ничего, двухэтажный, сложенный из белых газобетонных блоков, швы грубые, фундамент голый, без обшивки, даже отмостки нет, крыша простая, двускатная, словом, никакого изящества. Но стоит дом крепко, основательно, крыльцо — голый бетон, за двадцать с лишним лет ни кусочка из ступенек не выкрошилось. На века строил Егор Павлович, но дожил только до шестидесяти семи. Что, в общем-то, не так уж и мало.

Хороший дом у Егора Павловича, но заходить что-то не хотелось. От угнетающей похоронной

обстановки сдавит грудь, будет трудно дышать, но делать нечего, нужно идти.

Вешалки в прихожей завешаны верхней одеждой, места свободного нет, а Галке хоть бы что. Могла бы и забрать у Полины пальто, а у Тимофея куртку, отнести в их комнату или хотя бы плечики подать, нет, смотрит, как петельки соскакивают с крючков, думает о чем-то постороннем. Или потустороннем.

Кухня в доме большая, стол накрыли в ней. Похороны, тризна в кафе, теперь вот поминки дома, собрались самые близкие. Тетя Лада, свояченица покойного, Женя, друг семьи, и его жена, Родион Калугин, двоюродный брат Паши, этот с девушкой, которую Тимофей видел впервые. И которой невольно залюбовался.

Вряд ли эта девушка знала Егора Павловича, но выглядела она так, как будто его смерть стала для нее ударом. Волосы черные, как траурная косынка, кожа лица чистая, светлая, а под глазами темные круги, как будто она выплакала все слезы. А глаза красивые, голубые, глубокая печаль в них ей к лицу. Нежная девушка, хрупкая, женственная. Тимофей ощутил легкое покалывание в кончиках пальцев.

— Ну наконец-то! — Женя приподнялся и поздоровался с ним.

Он такой же здоровый, как и Паша, такой же грубый, легко мог послать на подальше, но на него хотя бы беспричинно не накатывало. Пашу же

могло накрыть с головой в любой момент, Женю это не пугало. Он мужик простой, чуть что, сразу в морду. И жена у него без комплексов, понятливая, открытая, если радовалась, то от души, если злилась... Только вот не помнил Тимофей, чтобы Катя злилась.

— Моя ты хорошая! — сначала она поцеловала Полину, затем подставила щеку Тимофею.

Парфюмом она практически не пользовалась, но пахла при этом всегда хорошо. Не красавица, но внешность приятная, и внутри, казалось, горит тихий, томный огонь. Тимофей помнил, как пять лет назад она в танце прижалась к нему, превратив его тело в конденсатор, который потом медленно-медленно разряжался. А может, еще до сих пор и не разрядился. И сейчас она прижалась к нему, но лишь слегка и на мгновение. И затаенно улыбнулась, отстраняясь. Но надеяться на что-то большее не стоит, скорее небо упадет на землю, чем Катя изменит мужу. Впрочем, Тимофей ни на что и не рассчитывал.

— Ну, за Егора Палыча!

Родион тяжело поднялся со своего места, тускло и даже невидяще глядя на Полину. И хотел бы увидеть ее, но не получалось, потому что глаза у него залитые. Все под градусом, но никто еще так не набрался, как он. Может, у них там в полиции все такие? А Родион целый подполковник, вроде как возглавлял отдел по борьбе с наркотиками. Сейчас он живо напоминал хрестоматийного

синьора Помидора, голова большая, круглая, лысая и даже красная. У его девушки ноги от ушей, а у него пузо — от шеи. Но пузо плотное, упругое, кулак в жир не провалится, если ударить. И ноги у него сильные. За пять лет Родион мало изменился, но во время последней встречи с ним он уверял, что сдает все требуемые нормативы по физической подготовке. Подтянуться, правда, ни разу не получается, зато отжаться может не меньше ста раз. И ведь отжался — восемьдесят шесть раз.

— Царствие Небесное! — всхлипнув, перекрестилась тетя Лада.

И, подняв наполненную рюмку, замерла в ожидании. Маленькая она, сухенькая, лицо морщинистое, глазки-бусинки, нос крючком, губ совсем не видно, как будто рассосались. Ей бы губной помадой напомнить об их существовании, но ведь она верующая, нельзя. Верующая, но вроде бы не набожная. Или за пять лет что-то изменилось?

— Царствие Небесное! — подхватил Тимофей, принимая поданный Женей лафитник.

А Полина вдруг заплакала — беззвучно, но слезно, в два ручья.

— Ну чего ты! — Галка обняла ее, усадила за стол, поставила перед нею чистые рюмку и тарелку.

— Хороший мужик был! — сжимая кулак, сипло выдавил Родион. Он смотрел на Полину, пытаясь сфокусировать на ней пьяный взгляд. — Хороший мужик... — опустив голову, повторил он и, немного подумав, добавил: — И дочь у него!

— Что дочь? — Полина перестала плакать, подозрительно глядя на него.

— Дочь тоже хорошая... — пьяно кивнул Родион Калугин. — Давайте за нее!

Он собрался пить не чокаясь, и Полина вовремя это поняла.

— Эй, ты чего? Не согласна я за свой упокой!

— Ну ты, Родик, в натуре! — гоготнул Паша.

— Мальчику больше не наливать! — ослабил-ся Женя.

Родион долго смотрел на одного, перевел взгляд на другого, наконец исправил ошибку.

— За Егора Палыча!

Он выпил, опустил голову, но при этом продолжал наблюдать за присутствующими, вдруг кто-то не поддержал его тост, но выпили все. И Тимофей с удовольствием опрокинул стопку, и Полина. Устали они с дороги, выпить сейчас — самое то. А потом уже можно и в спальню. Вещи занести, расположиться, душ принять, а еще лучше в баньку, если там натоплено. Что вряд ли.

— Успокоился Егор Павлович, Царствие ему Небесное, — выдержав паузу, сказала Галка. — Вместе со своей Варварой Васильевной. Место у них хорошее, сухое, лежат сейчас рука об руку...

— Хорош уже! — не сильно, но грубо толкнул ее в бок Паша.

— И никто друг друга не одергивает! — зыркнула на него жена.

Полина протяжно вздохнула, Галка это заметила. И тут же уколола:

— Никто никуда не спешит, никто никуда не опаздывает!

— И никто никому не врет! — хищно сощурилась Полина.

Тимофей понял, на что она намекала. Замуж Галка вышла, что называется, по залету, вроде как от Паши понесла, даже сроки на это указывали. Но сын их почему-то подозрительно был похож на его двоюродного брата. Или с Родионом она согрешила, или двоюродная кровь по мужу свое взяла. Полина обвиняла Галку в первом, Паша на нее за это дулся, однажды даже накричал. И тест на отцовство делать он не собирался. Одно время Полина на этом настаивала, потом махнула рукой, даже как будто забыла о проблеме, а сейчас вдруг вспомнила. Судя по злому взгляду, каким Галка посмотрела на Полину, она ее правильно поняла.

— А ты никого никогда, нет? — взвилась она и выразительно при этом глянула на Тимофея.

Посмотрела на него и Полина.

— Пойдем! — резко поднимаясь, сказала она.

И обиделась она, и правда глаза колет. Хотя вряд ли Галка что-то знала. А Тимофей знал, что Полина неспроста выбилась в начальники. Поднялась до исполнительного директора крупной строительной фирмы, в которой Тимофей до сих пор вкалывал простым прорабом. Может, потому что не интересовал генерального директора как

женщина. А вот Полине Мирон Сергеевич оказывал знаки внимания с самого начала ее работы у нее. И она, скорее всего, отвечала ему взаимностью, от этого и карьерный взлет. Тимофей старался гнать от себя эти мысли, утешая себя тем, что не любит жену и живет с ней из привычки. Ну и дети еще не совсем выросли, сыну восемнадцать, а дочери всего четырнадцать. Подождать немного нужно, а потом уже можно и на развод подавать. Он к этому готов.

— Куда это ты? — нахмурился Паша.

— К отцу съездим!

— А вы разве не были? — удивленно и с насмешкой спросила Галка.

Тимофей качнул головой. Они проезжали мимо кладбища, нужно было всего лишь свернуть с дороги и проехать до него километр-другой, Тимофей предлагал сгонять, а Полина отложила на потом. Зато сейчас вдруг сорвалась, как будто под хвост что-то попало.

— Да вот думали, что нам здесь рады будут!

— Так, спокойно!

Родион попробовал подняться из-за стола, но его качнуло, и он опустился на стул. Но руки он успел развести, поэтому, возвращаясь на место, ударил предплечьем свою девушку. Но та лишь поморщилась и улыбнулась, давая понять, что ничего не случилось.

— Никто никуда не едет!

— Завтра съездим! — отрезал Паша.

Но Полина никого не слушала. Она вышла из дома, но на крыльце в недоумении остановилась.

— Ничего себе! — Тимофей достал из кармана сигареты, останавливаясь рядом с ней.

Дождь лил как из ведра. И получаса не прошло, как они вошли в дом, а столько изменений. И тучи успели набежать, и дождь хлынул.

— И куда мы в такую хлябь? — спросила Полина.

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Сегодня не получится.

— Завтра съездим. Никуда твой отец не денется, — усмехнулся Тимофей.

— Думаешь, это смешно? — Полина глянула на него так, как будто это из-за него она не могла попасть на кладбище.

За спиной открылась дверь, появилась Галка.

— Полина, ты здесь? — совсем не зло спросила она.

— Как из ведра льет.

— Опять двадцать пять!.. Может, вам отдохнуть? Баньку мы не топили, сами понимаете почему, а душ — пожалуйста. Я в твоей комнате вам полотенца положила.

— Полотенца — это хорошо, — кивнула Полина. — Сейчас вещи из машины заберем.

— Сейчас? — усмехнулся Тимофей.

Дождь только усиливался, еще и стемнело. Фонарь зажегся, но ворот не видно, машины за ними тем более.

— На тебе вот ключи от ворот. Откроешь, закроешь!

Галка вручила ему ключи с дистанционным пультом от ворот и вместе с Полиной скрылась за дверью. А дождь все лил, порывы ветра забрасывали под козырек крыльца капли и брызги, промокнуть до нитки в планы Тимофея не входило, поэтому он, выкурив сигарету, вернулся в дом.

Он сел за стол, Паша молча налил ему водки, предложил сказать несколько слов о новопреставленном. Тимофей кивнул, взял рюмку, поднялся, сказал, что чуть более двадцати лет назад познакомился с Полиной, как приехал в Закамьевск знакомиться с ее родителями, как душевно принял его Егор Павлович. И все это время молодая подруга Родиона с интересом смотрела на него почти не мигая.

— Великой души был человек! — заключил он, ощущая приятное волнение в крови.

— Почему был? — мотнул головой Женя. — Хорошие люди живут в наших сердцах!

— За великой души человека!

Тимофей выпил, красавица-брюнетка затаенно улыбнулась и также взяла рюмку. Родион косо взглянул на нее, кивнул и выпил вслед за ней.

— Ну все, мы поедem! — сказал, поднимаясь, Женя.

— Там ливень! — предостерег Тимофей. — Видимость нулевая.

— Да ничего... Зонт есть?

Зонт нашелся. Женя сначала посадил в машину жену, удерживая над ней зонт, затем, обогнув свою «Шкоду», открыл водительскую дверь. С зонта пролилась на голову вода, когда он закрывал его.

— Эй, а зонт! — крикнул Паша.

Женя его услышал, снова раскрыл зонт.

— Я возьму! — вызвался Тимофей.

До машины совсем немного, шагов семь-восемь, но дождь разыгрался не на шутку. Голова намочила, пока он добрался до зонта.

Паша открыл ворота, и Тимофей, не дожидаясь, когда Женя выедет, прошел к своей машине, сел, бросив мокрый зонт на пол за передние сиденья. «Фокус» выезжал медленно, видимость практически нулевая, Тимофей на всякий случай помигал ему фарами, чтобы он не врезался в него. Но все обошлось, Женя справился с управлением, и очень скоро габаритные огни машины исчезли в пелене дождя. А Тимофей заехал во двор, заняв освободившееся место. Вышел из машины, забрал из багажника чемодан и сумку, пока занес их в дом, промок до нитки. Не помог ему зонт.

— Эй, да тебе в душ надо! — проявил заботу Паша.

Но ни чемодан, ни сумку у него не взял, на второй этаж вещи пришлось поднимать самому.

Егор Павлович построил дом, когда Полина уже училась в Москве, фактически она здесь не жила, приезжала только в отпуск, но одну из спален на втором этаже отец закрепил за ней.

И пока Егор Павлович жил здесь вдвоем с женой, на комнату никто не покушался. Но после того как Варвара Васильевна умерла, тесть слег, сын переехал к нему со всей своей семьей, в комнате Полины поселилась его дочь. Дети сейчас у бабушки, комната свободна, на застеленной кровати одно полотенце. Второе забрала с собой Полина.

Тимофей успел раздеться, развесить на горячей батарее мокрые джинсы, куртку он повесил на дверцу шкафа. Полина в банном халате и тюрбане из полотенца вошла в спальню.

— Ты уже здесь!

Тимофей усмехнулся, глядя на жену. Он так и не понял, что ее больше обрадовало, он или чемоданы.

— Какой ты мокрый! — Она подняла руку, чтобы взлохматить мужу волосы, но так и не прикоснулась к нему. То ли торопилась заняться собой, то ли побрезговала.

Егор Павлович строил дом со знанием дела. Отделка незатейливая, штукатурка стен довольно грубая, зато держится превосходно, нигде ни трещинки. Пол из досок, но крепкий, нигде не скрипит. Мебель дешевая, но такая же основательная, кровать ничем не расшатается. И в ванной комнате у него все в лучшем виде. Настенная и напольная плитка недорогая, но ни одного скола нет, и вид такой, как будто недавно клали. Горячая вода в душевую лейку подавалась исправно, без перепада

температур. Тимофей помылся, сменил белье, надел спортивный костюм.

Полина уже распаковала багаж и теперь сидела перед зеркалом, сушила волосы.

— Как водичка? — спросила она, выключив фен.

— Пойдет!

— Вопрос, чья вода! — усмехнулась она.

— Чья? — нахмурился Тимофей.

Дом хороший, у реки, природа, рыбалка, все, что нужно для души. И давно уже назрел вопрос, кому дом достанется. У них с Полиной все хорошо, две квартиры в Москве, дом под Звенигородом достраивается, но так и Паша устроился неплохо, родительскую квартиру в Закамьевске, считай, прибрал, еще и на дом глаз положил, не зря они с женой здесь поселились — за отцом ухаживать. Егор Павлович мог отписать ему весь дом, а Полину это не устраивало, да и Тимофея, чего уж тут, тоже. Стройка у них, денег не хватает.

— Отец не оставил завещание, — тихо сказала Полина.

— Нет?

— А это значит, дом пополам. Галку такой вариант не устраивает. У вас, говорит, все есть!

— Это она тебе сейчас сказала?

— Сказала!

— И халат свой дала?

— Ну да.

— Дихлофосом не обрызгала?

— Вроде нет.

— Ну, тогда не все так плохо, — улыбнулся Тимофей.

Если завещания нет, то дом им придется делить пополам на основании равного права наследования. Душещипательного разговора не избежать, но начинать его Паше, поскольку Полина пока помалкивала.

— Ты давай иди, а я немного задержусь.

Тимофей просушил волосы феном, спустился вниз. Тетя Лада жила неподалеку, дождь не прекращался, но все-таки она ушла, одолжив плащ-дождевик. И Женя с женой уехал. А Родион даже не собирался. Он сидел за столом как глыба, которую можно было столкнуть на пол несильным движением руки. Но никто его не толкал, напротив, девушка брюнетка держала его под руку, чтобы он не упал. И затаенно улыбалась, украдкой глядя на Тимофея, пока он занимал свое место за столом. Родион этого не видел, потому что сидел с закрытыми глазами.

— Родик, может, спать пойдешь? — спросила Галка.

Калугин открыл глаза, удивленно посмотрел на нее и мотнул головой.

— Лера, ты как думаешь?

— Да пусть сидит, — улыбнулась девушка.

Голос у нее мягкий, нежный, но довольно звучный. Она говорила тихо, однако Тимофей хорошо слышал ее.

Родион кивнул, закрыл глаза и снова замер.

— У тебя права есть? — спросила Галка, обращаясь к девушке.

— С собой нет, — качнула головой Лера.

— Давай, у Егорки им постелишь, — сказал Паша, кивком указывая вверх.

— Да я-то постелю!

Галка ушла, минут через десять появилась Полина. Волосы стянуты в хвост на затылке, на лбу эластичный ободок, который в равной степени подходил как для траура, так и для обычных занятий спортом. Платье черное, простое, и грудь закрыта, и плечи, но выглядела Полина в нем так, как будто пришла на бал, но никак не на похороны. И макияж отнюдь не траурный, ни помады не пожалела, ни тонального крема. Родион будто почувствовал ее присутствие, распахнул глаза, улыбнулся, даже подмигнул и тут же снова закрыл их. А Лера посмотрела на Тимофея так, будто мстила за взгляд Родиона на его жену.

— Ну что, давайте за встречу выпьем! — предложил Паша.

— Ты только сильно не налегай! — глянув на брата, качнула головой Полина.

— Да ты что, я скала! — Глянув на Родиона, Паша расправил плечи. Уж он-то в хлам точно не нажрется!

Полина не поверила брату, забрала у него бутылку, наполнила его рюмку наполовину. А лафитник Тимофея наполнила до краев. И себя не обидела.

Леру она обошла вниманием, но девушка не растерялась, сдвинула свою рюмку с места.

— А ты пьешь? — спросила Полина, всматриваясь в нее.

— Ну да, — застенчиво улыбнулась девушка.

— И ни в одном глазу!

— Я пропускаю. Иногда.

— А отца моего знала?

— Нет, — Лера виновато опустила глаза.

— Сколько тебе лет? — надела на нее Полина.

— Давайте сначала Егора Павловича помянем! — нарочно перебил супругу Тимофей.

И без того видно, что Лера лет на двадцать моложе Родиона. Но разве ж это удивительно? Он в разводе, жена уже замужем за другим, какие тут могут быть претензии к его моральному облику? А то, что молоденькую выбрал, так в этом тоже ничего особенного. Родик, может, и не красавец, но у него положение, возможности, деньги, наконец. Одним словом, каменная стена, за которой Лере захотелось спрятаться. И Полине вовсе не обязательно осуждать ее выбор.

Появилась Галка, тронула Родиона за плечо, он не реагировал, тогда она толкнула его в плечо.

— Чего? — спросил он, с трудом открыв правый глаз.

— Может, отдохнешь чуть-чуть? Я тебе постелила.

— Чуть-чуть?.. — глянув на свою спутницу, задумался Родион.

— Пошли! — кивнула Лера и двинула бедрами, как будто собиралась подняться, при этом она легонько толкнула Калугина локтем. И этим окончательно разбудила его.

— Ну, если чуть-чуть...

Родион поднялся, подоспевший Паша подал ему руку, помог выйти из зала. Лера взяла сумочку, которая висела на спинке ее стула, с каким-то непонятым благоговением прижала. И Тимофей обратил на это внимание, и сама она увидела в этом что-то забавное, на губах выступила стеснительная улыбка. Смущенно и весело глянув на Тимофея, она поспешила за своим Родионом. Шаги с первого этажа прогрохотали по лестнице и стихли где-то на втором этаже.

— Что это с ним? — спросила Полина.

— А что это с ним? — вроде как удивился Паша. — Ну не рассчитал слегка.

— Девчонка с ним какая-то странная.

— В чем странная?

— Да какая-то не такая.

— Молодая... Так и мы еще молодые. Пионеры молодцы, отрасли огурцы, гы! — осклабился Паша, подмигнув Тимофею. — Думаешь, мы так не сможем?

— Да смочь-то вы можете, да кто ж вам даст? — усмехнулась Полина.

— Да любая! — Паша выставил перед собой ладонь — для пари.

— Да успокойся ты! Плейбой доморощенный!

— Чем тебе Лерка не нравится? Баба как баба.

— Как будто под кайфом баба.

— Ну так на равных с нами поднимала.

— И ни в одном глазу... Хмеля в глазах нет, в них что-то другое.

— Посмотрим, что у тебя в глазах будет! — наливая Полине, усмехнулся Паша.

Но напоить сестру он не смог. Сам окосел, голова потяжелела, веки налились свинцом. Галка собиралась увести его, когда вдруг вернулся Женя.

Глава 2

Дождь не прекращался. Во дворе лужи, машины в воде, но это еще не самое страшное.

— Мост уже под водой, одни только перила видны! — возбужденно рассказывал Женя.

— Было уже так, в позапрошлом... в позапозапрошлом году, дамбу прорвало, — сказал Паша.

Язык у него заплетался, но речь можно было разобрать.

— Дом чуть не затопило, — кивнула Галка.

Поселок находился на островке, образованном двумя ветвями одной реки. Широкая ветвь огибала Островской с востока, узкая — с запада. Попасть в поселок можно было только по мосту через приток, его-то как раз и затопило.

— Да нет, поселок пока еще не топит, — качнул головой Женя.

— А ты чего так долго? — спросила Галка.

— Так колесо пробил, думал, заменить, а оно льет, льет без остановки. Пока ждал, пока заменил, мост и затопило...

— А позвонить не мог?

— Так аккумулятор в телефоне, как назло, сел... Мне бы чего-нибудь горячего!

Катя не пострадала, она не выходила из машины, а Женя промок насквозь, пока менял злополучное колесо.

— В душ давай!.. У нас переночуете, в отцовской спальне постелю.

— В отцовской? — задумался Женя.

— Боишься? — ухмыльнулся Паша. — Это ты зря, брат!.. Тут головой думать надо, если привидения есть, значит, там, на том свете, что-то есть!

— Может, ты сам это проверишь? — набычился Женя. — Или слабо?

Катя с силой ткнула его локтем в бок.

— Мне слабо?! — вскинулся Паша.

— В нашей спальне будете спать! — решила Галка.

— Да ладно вам, в отцовской так в отцовской! — мотнула головой Катя.

— Нет, нет, наверху переночуете!.. А нам не страшно, Егор Павлович нас любил! — с намеком глянув на Полину, сказала Галка. — Нас он не обидит!

— Хотя и обидел, — кивнул Паша, так же косо глянув на Тимофея.

Галка увела гостей наверх, Тимофей с Полиной вернулись за стол. И Паша решил присоединиться к ним, взял бутылку, налил себе.

— Может, на сегодня хватит? — спросила Полина.

— А вот обидел нас батя! — волком, исподлобья глянул на нее Паша. — Мы за ним досматривали, а вы в это время как сыр в масле катались.

— Давай не будем сейчас!

— А когда будем? — хищно сощурился Паша.

— Завтра поговорим, на трезвую голову.

— А что говорить? И так все ясно, у вас есть все!

— А у вас родительская квартира! И Галке дом бабушка отписала, думаешь, я не знаю?

— Да какой там дом! — скривился Паша.

— А вот мы завтра съездим, посмотрим! — расправила плечи Полина.

— До завтра еще дожить нужно.

— Это что, угроза? — встрепенулся Тимофей.

— Не понял! — Паша резко поднялся, но его сильно повело в сторону, он вцепился в стол, потянул на себя скатерть, на пол с шумом посыпалась посуда.

Появилась Галка, набросилась на мужа, заставив его забыть о Тимофее, а затем и вовсе увела в спальню. Тем более на второй этаж подниматься не пришлось, поскольку отцовская комната находилась на первом.

Полина помогла убрать разбитую посуду, затем женщины взялись за целую, но грязную. Загремело

в мойке, полилась вода, очень скоро стол опустел, осталась только пара салатов и бутылка водки. Но Тимофей пропустил всего две стопки и отправился спать. И водка не пошла, и с дороги он устал.

Проснулся он посреди ночи, вторая половина постели пуста, в комнате тихо, за стеной никаких признаков жизни, только откуда-то с кухни доносятся голоса. Может, Полина с Галкой ругаются из-за наследства.

Тимофей поднялся, оделся, вышел в холл, а навстречу ему по лестнице кто-то тяжело поднимался. Он остановился, глядя на плешивую макушку, лысеющая голова покачивалась в такт движения.

Заметив Тимофея, Родион тоже остановился, долго смотрел на него, пьяно что-то соображая, наконец тронулся с места.

— Ты где был? — останавливаясь, спросил он.

— Спал.

— С Леркой?

— Ты с какого дуба рухнул?

— А хочешь? — еле ворочая языком, спросил

Калугин.

— Чего я хочу?

— Лерку!

— Все, давай! — Тимофей шагнул в сторону, собираясь обойти препятствие, но Родион перегородил ему путь, выставив руку.

— Давай меняться!

— Не понял!

— Ну, я к Полинке, а ты к Лерке!..

— Ты это серьезно? — нахмурился Тимофей.

Что-то тяжело колыхнулось внизу живота. Во-первых, Полина почти перестала волновать его как женщина, во-вторых, она изменяла ему, он практически не сомневался в этом. А Лера будоражила воображение, что называется, с полтолчка. Душу дьяволу за ночь с ней он бы, пожалуй, не продал, но слова известной песни Belle из мюзикла «Нотр-Дам де Пари» на ум пришли.

— Пойдем, я вас познакомлю! — Родион взял Тимофея под локоть, развернул к своей комнате. И вдруг остановился, вспоминая, зачем он это сделал. Наконец спросил: — А Поинка где?

— Так, стой! — Тимофей вырвал руку, отступил на шаг, повернулся лицом к Калугину.

— Ну да, внизу Поинка... Ты давай к Лерке, а я к ней!

— Я не сказал да!

— Ну так скажи!

Тимофей кивнул, представив, как Лера ложится перед ним совершенно без ничего, как трепещут ее губы в ожидании поцелуя, как трепещет все тело. Эта ночь могла стать самой лучшей в его жизни. А что будет с Полиной, ему все равно. Какая разница, кто с ней переспит, Мирон Сергеевич завтра или Родион сегодня?

— Ну, говори! — поторопил Калугин.

— Говорю!

Тимофей взмахнул правой рукой будто плетью, ускорил движение, нацелил кулак и врзал

что есть мочи. Родион не выдержал удар, подался назад, пытаясь восстановить равновесие, но ему помешала лестница. Нога провалилась на глубину ступеньки, тело дало резкий крен, и он с шумом покатился вниз по лестнице. Но не убился, даже сознания не потерял, даже смог подняться, цепляясь за перила.

На шум из кухни выбежали женщины — Полина, Галка, Катя.

— Что здесь такое?

— Да упал человек... — развел руками Тимофей.

— Да я-то человек! — взревел Калугин, пальцами шупая пошатнувшийся от удара зуб. — А ты у меня в тюрьме сгниешь, падла!

— Эй! — Галка схватила Родиона за руку, с силой тряхнула.

Он бросил на нее бешеный взгляд, даже замахнулся, но все же смог осадить себя.

— Не говори так в моем доме, понял? — Галка снова тряхнула его за руку.

— Да идите вы все!

Протрезвевший Калугин поднялся по лестнице, Тимофей отошел в сторону, пропуская его. И руку поднял, собираясь отбить возможный удар, но Родион в драку не лез. Люто глянул на него и прошел мимо. На переносице у него надувалась шишка, предвестник синяка на два глаза.

— Я тебя сгною! — процедил он, открывая дверь в свою комнату.

Вслед за ним на второй этаж поднялась и Полина. От нее сильно пахнуло коньяком.

— Что там у вас случилось? — спросила она, рукой упираясь в плечо Тимофея.

— А у вас?

— Что у нас?

— Что ты ему там пообещала?

— Я пообещала?! Ты что, пьяный? — Полина возмущенно оттолкнулась от мужа.

— Тебе уже хватит!

— Чего это мне уже хватит?

— Ну и катись!

Тимофей резко повернулся к жене спиной и скрылся в спальне.

— Да пошел ты! — донесся ему вслед возглас.

За окном лил дождь, тьма кромешная, ничего не видно. Слышно было только, что ливень залповый, неудивительно, что река вышла из берегов. Может, и поселок уже затопило, и машины во дворе плавают. Но никому до этого нет дела. Паша с Женей спят, Родион зализывает раны, женщины культурно пьянствуют.

Тимофей немного подождал, затем тихонько спустился вниз. Женщины о чем-то говорили на кухне, никто не заметил его. Впрочем, он далеко и не уходил. Открыл дверь, переступил порог, выглянул во двор. На дворе лужи, в лужах машины, но это еще не потоп. Ничего страшного не происходит. А из полезного — дождевая взвесь в лицо под порывами холодного ветра освежила его, захотелось в тепло, в постель.

Закрывая за собой дверь, Тимофей заметил движение за крайней машиной у ворот. Может, собака с места на место перебежала.

Засыпая под теплым одеялом, он снова подумал о собаке. Старый пес умер года три назад, Егор Павлович завел нового, но как выглядел его новый питомец, Тимофей даже не знал. Детей своих Паша отправил в город, там они сейчас под присмотром его тещи. А собаку он отдал тете Ладе, завтра собирался забрать. Тогда кто же там ходил по двору между воротами и машинами? Может, это ветер с силой колыхнул завесу дождя? А может, это бродила по двору душа новопреставленного? Приведениям дождь не страшен. С этой мыслью Тимофей и заснул.

Проснулся он также под шум дождя. За окном уже светло, на часах половина восьмого утра, под одеялом сопела Полина. Ее черное платье лежало на спинке перевернутого стула. Видно, споткнулась в темноте, добираясь до кровати, упала или нет — неясно, но стул опрокинула. Поднимать не стала, разделась и завалилась спать. А Тимофей даже не слышал, как она ложилась.

За окнами противный шум, в доме такая же неприятная тишина. Подниматься не хотелось, но Тимофей очень хотел пить, а водичку он вчера из машины не забрал. И термос там остался — с остатками кофе. А от кофе он бы сейчас не отказался.

Он вышел из комнаты, остановился, прислушался, вроде тихо. Никто не храпит за дверью,

и кровать не скрипит, а то Родион запросто мог начать день с доброго секса. Наверняка Лера хороша в постели. Тимофей усмехнулся, вспомнив о несостоявшейся сделке. И подумал о том, что правильно все сделал. Полина, может, и дрянь, но не мог он уступить ее пьяному развратнику. Даже в обмен на восьмое чудо света не мог.

По пути на кухню он свернул в прихожую, открыл дверь, выглянул во двор. Вроде бы и светло, но видимость никакая, и все из-за дождя. Но лужи в озеро не превратились, колеса утопали на высоту профиля шин, не более того. И по двору никто не ходил.

После шумного дождя в тишине кухни было уютно. И порядок здесь, посуда вымыта, на столе ни крошки. Тимофей достал из шкафа стакан, налил из фильтра-кувшина воды, выпил. Немного подумал и включил электрический чайник. Банку с кофе нашел в шкафу, там же сахар кубиками.

Он взял банку, когда на кухне появился Паша. Тельняшка на нем, шорты с оттопыренными карманами, ноги волосатые, кривые.

— Что ты там ищешь?

— Кофе.

— А я думал, деньги!

— Отец далеко их спрятал? — отшутился Тимофей.

— Не знаю, не искал... А тебя интересует?

Чайник вскипел на удивление быстро, видимо, воды в нем было совсем чуть-чуть. Тимофей налил

в кружку, вода приятно шипела, горячий пар нежно коснулся лица.

— И мне давай! — Паша щелкнул и зажигалкой, и пальцами.

Тимофей кивнул, достал еще одну кружку, но Паша указал на другую, хозяйскую. Кружка с черепом в поварском колпаке. Он вылил туда остатки кипятка, хватило впритык. И кофе сыпанул по две ложки.

— В обмен на сигарету! — сказал Тимофей, поставив кружки на стол.

— Да не вопрос!.. — Паша небрежно бросил на стол пачку «Винстона» и открыл форточку. — Да что ж там такое? Мы там еще не утонули?

— Да вроде нет, я смотрел, лужи есть, потопа нет.

— Ну, лужи... Бетонировать нужно. И отмостку надо бы...

— Так в чем же дело?

— Ну, если дом напополам... Или откажетесь? — спросил Паша, с надеждой глянув на Тимофея.

— Это не ко мне!

— А ты не мужик, разве?

— Короче! — нахмурился Тимофей.

— Значит, как Поинка решит?

Тимофей нарочно сделал шумный глоток. И глубоко затынулся, до отказа заполнив легкие дымом.

— Что вы там с Родиком не поделили? — спросил Паша. На Тимофея он глянул насмешливо, но вместе с тем и уважительно.

- Да разойтись не смогли, он к себе, я вниз.
- Галка говорит, фингал у него конкретный.
- С лестницы упал.
- Ну да... Чем там нас утро порадует?

Паша полез в холодильник, достал из него вчерашние бутерброды со шпротами. Блюдо с колбасной и сырной нарезкой на стол поставил, салатницу с оливье. И двухлитровую банку с пивом.

— С этого и надо было начинать! — улыбнулся Тимофей.

Он не так уж и много вчера выпил, но пиво все равно взбодрило и дух, и воображение. Не успели они налить, как появился Женя. Он тоже закурил, а Паша поставил перед ним бокал для пива. Не заставила себя ждать и Галка.

— Я же просила не курить на кухне! — энергично замахала она руками.

— Так дождь на улице, с крыльца смывает.

— Ага! — подтвердил Женя.

— Что у вас тут на столе?.. А котлеты разогреть не судьба?

— Горячие котлеты к холодной водке!

— Ну, можно и водочки, — пожала плечами Галка.

— Мне нельзя, нам ехать, — отхлебнув из бокала, качнул головой Женя.

— У тебя амфибия? — засмеялся Паша.

— Если ты про Катюху... — начал было Женя, но осекся.

И вовремя, на кухню входила его жена. Поправляя волосы, она с осуждением смотрела на мужа. Но ничего не сказала, только тайком показала ему кулак.

Женщины разогрели котлеты, курицу, картошку, к тому времени, как они накрыли на стол, банка с пивом опустела. Ее сменила бутылка водки.

— Какой ужас! — усаживаясь за стол, покачала головой Полина.

Тимофей даже не заметил, как она появилась. Без траура, зато с макияжем.

— Что там у нас с мостом? — обращаясь к жене, спросил Паша.

— А что там у нас с мостом?

— Утонул мост, дамба частично разрушена под напором талых вод. Ну и дождь добавил, — сказала Катя.

— Детей мы сегодня не заберем, — кивнул Паша.

— И на кладбище не съездить, — вздохнула Полина.

— Не переживай, все там будем!

— Вот не надо под руку! — глянув на мужа, замахнулась Галка, но не ударила.

— Так не сегодня же и не завтра...

— А где Родик с этой, с Лерой? — спросила Галка.

— Да спят, наверное. Пойду гляну!

Галка выпила, закусила котлетой, только тогда вышла из-за стола и поднялась на второй этаж.

Вернулась минут через пять, остановилась в дверном проеме.

— Родика кто-нибудь видел? — спросила она.

— Да нет, — пожал плечами Паша. — А что?

— Да нет его в комнате, и эта... как амeba, — тихо сказала Галка. — Лежит, рукой машет, типа спать хочет... Где Родик, спрашиваю. Не знаю!

— А машина стоит?

«Икс-пятый БМВ» Родиона стоял на месте, в машине вроде бы никого не было, во всяком случае, если смотреть из окна, людей в салоне не видно. А дождь не прекращался, выходить во двор как-то не очень хотелось. И в доме Родика не нашли. Паша даже в подвал спустился, искал там, бесполезно.

— Дождевик вчера с Петровной ушел, а зонт у нас где? — спросил он.

— В машине у меня, — вспомнил Тимофей.

— Эх ты! — фыркнул Паша.

— А ты!.. Где непромокаемый костюм? Заброды!

— Зачем?

— Ты что, не рыбак?

— На хрена костюм, когда с обрыва рыбачить можно? Забросил удочку и стоишь на сухом... Заброды какие-то!.. Сапоги резиновые есть. И лодка надувная.

— Лодка нам понадобится.

— В подвале где-то, искать надо, накачивать... Давай, иди!

— Может быть, голову дашь чем-нибудь накрыть? Противень или еще что?

— Кирпичом надежней! — пошутил Женя.

— Очень смешно!

Галка достала из шкафа рулон с большими мусорными мешками, оторвала один, разорвала, вышла накидка с капюшоном, под ней и в резиновых сапогах Тимофей вышел во двор. Сначала открыл свою машину, забрал зонт, затем заглянул в БМВ — пусто. Но домой возвращаться он не спешил.

Дождь натворил дел, щебеночная площадка перед домом по щиколотку в воде, клумба залита, в огороде лужи. И на газоне вдоль межевого забора мокро, не пройти. Чучело там валяется, халат в клеточку, руки под прямым углом к туловищу. Но чучело-то с настоящими волосами... Может, это и не чучело вовсе?

От площадки, огибая дом, к дальнему забору тянулась тропинка. Она пересекала огород пополам, на узкой стороне газон, на широкой — вскопанная земля. Родион Калугин лежал на притопленной траве, халат распахнут, но не задран, как будто его волочили по земле головой вперед. Волочили за руки к забору, к обрыву над рекой, а на полпути бросили. Труп его бросили, хотя, возможно, в это время он был еще жив. Хотя вряд ли. Глаза открыты, застывшая боль в них и удивление. И синяк над глазами и под ними. На плешивой макушке глубокая рана, то ли острым кирпичом голову проломил, то ли еще чем-то.

— Твою мать! — выругался Тимофей, шарахаясь от покойника.

Он и не помнил, как зашел в дом, в себя пришел уже на кухне.

— Ты чего такой бледный? — спросила Катя.

— И мокрый! — засмеялся Женя.

— И Родик мокрый, — сначала сказал, а потом уже подумал Тимофей.

— Где мокрый?

— Да там лежит. Под дождем!

— А чего лежит? — нахмурилась Галка.

— Так по голове, кирпичом, — Тимофей растерянно глянул на Женю.

А действительно, чего это он про кирпич заговорил? Может, не случайно?

— А чего не поднимается?

— Так насмерть!

— Как это насмерть?

Галка вскочила с места, схватила зонт и рванула во двор. Тимофей должен был идти за ней, но его понесло вверх, в свою комнату, окна которой как раз выходили на газон. Окна с видом на труп. Полина пошла за ним.

Он увидел Родиона. Ничего не изменилось, Калугин лежал все в той же позе, раскинув руки. К трупу подошла Галка, она поступила более мудро, чем Тимофей, сразу присела, попыталась нащупать пульс, мотнула головой, давая понять, что все кончено. Вставший за ней Паша что-то сказал, озадаченно почесав затылок.

— Кто ж его так? — спросила Полина.

Она прижалась к Тимофею, он спиной ощутил дрожь в ее теле.

— Я откуда знаю? Там рана на голове, кровь дождем смыло. И вода везде, следы в воде.

— Какие следы? Убийцы?

— Полицию нужно вызывать!

— Дурак? На тебя же все свалят!

— Как это на меня?

— Да так! Ты же с Родиком подрался!

— Ну да, — кивнул Тимофей.

— А он тебе угрожал, в тюрьме обещал сгноить! Было такое?

Стоявшие под дождем Галка, Паша и Женя как будто услышали этот вопрос, и все трое, как по команде, развернулись к дому, глянули на окно, через которое Тимофей наблюдал за ними. Он чуть ли не в панике шархнул от окна.

— Может, эта Лера что-то знает? — спросила Полина и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты.

Тимофей подался за ней.

Лера спала, с головой накрывшись одеялом, только лицо выглядывало. Глаза закрыты, на губах блаженная полуулыбка, ладони сложены под щекой.

Полина с разгона вцепилась в ее плечо, с силой трянула, но Леру это не потрясло, просыпалась она медленно. Открыла один глаз, другой, легла на спину, не забывая прикрывать оголенную грудь

одеялом, вопросительно посмотрела на Полину. А увидев Тимофея, улыбнулась ему — нежно, но отстраненно. Как будто ей все равно было, кому улыбаться, лишь бы мужчине.

— А чего ты такая довольная? — резко спросила Полина.

— Я довольная? — задумалась Лера.

— От мужика избавилась и радуешься?

— От кого я избавилась?

— От Родика!

— Не избавлялась я ни от кого.

— Где Родик?

— Не знаю.

Лера приподнялась на локте, верхняя часть груди оголилась, Тимофей успел заметить маленький розовый сосок. Но все это длилось одно мгновение, Лера снова натянула на себя одеяло.

— Я знаю!.. Лежит во дворе мертвый!

— Как мертвый?!

Лера поднялась с кровати, прижимая к себе одеяло, но уперлась в руку, выставленную Полиной. Уперлась, подалась назад, села. И улыбнулась одними глазами. И вряд ли это радость по поводу того, что Родиона больше нет.

— Рассказывай давай! — потребовала Полина.

— Что рассказывать?

— Зачем ты Родика убила?

— Не убивала я! — вытаращилась на нее Лера.

— А кто убил?

— Я откуда знаю?.. Вы в своем уме, женщина? — Лера резко поднялась и оттолкнула Полину.

— Спокойно! Выходим, девушке нужно одеться! — сказал Тимофей.

Но Лера даже не взглянула на него. Как будто не услышала. Или не захотела услышать.

— Ты выходишь! — зато Полина выстрелила в него взглядом. — А я здесь побуду и посмотрю!

— Что помотришь?

— А вдруг у нее что-то есть.

— Что у нее может быть?

— Не знаю... Но что-то есть! — Полина возмущенно хватанула ртом воздух. Как будто не могла поверить в то, что родной муж может принять сторону непонятно кого.

— Нет у меня ничего! — Лера наконец с благодарностью глянула на Тимофея.

— Одевайся! А ты давай! — Полина махнула рукой на дверь.

Тимофей кивнул, из одной спальни переместился в другую, взял сигареты. Пара штук в пачке всего осталась, всю дорогу курил, а запас пополнить не успел. А как теперь сигареты купишь? Поселок настолько маленький, что здесь и магазина-то нет. В трех-четыре километрах за мостом начинался город, но как туда добраться, большой вопрос.

Тимофей вздохнул, открывая дверь из комнаты. Не вопрос, с куревом проблема, но это такая

мелочь по сравнению с убийством, которое могли повесить на него.

Внизу хлопнула дверь, минуты через две загудела под тяжелыми шагами лестница и показался Паша с мокрыми взлохмаченными волосами.

— Ты здесь? — спросил он, сердито и с подозрением глядя на Тимофея.

— Да вот, сигареты...

— Что сигареты?

— Курить охота.

— Ну да, я не убивал, и то меня трясет!

Тимофей косо глянул на своего шурина.

— И я не убивал!

— Кто знает...

— Не убивал я! — разозлился Тимофей.

— Эй, нервы лечить надо! — усмехнулся Паша. — А то на людей бросаешься!

— Кто на людей бросается?

— А кто Родика ночью ударил?

— И что? Упал, поднялся.

— А потом погулять вышел. Там ты его и приголубил. Чтобы он тебя в тюрьме не сгноил.

— Ты видел?

— А зачем видеть?

Открылась дверь, из спальни в холл на втором этаже вышла, нервно покусывая губы, Полина. А за ней, засыпая на ходу, Лера. Платье на ней вчерашнее, волосы кое-как убраны в пучок, веки тяжелые, взгляд сонный. Казалось, она уже и забыла о том, что Родиона больше нет. А может, и знала,

но не хотела в этом признаваться, поэтому изображала удивление. И к телу Родиона отправилась, чтобы выказать свое возмущение.

— Ты что видела? — обращаясь к Лере, спросил Паша.

— Что я видела? — не поняла девушка.

— Родик с тобой был, зачем он во двор выходил? И когда?

— Когда?

— Да, когда?

— Ну под утро. Не знаю, темно еще было, но дело было рано утром. Очень рано.

— Зачем выходил?

По лестнице с телефоном в руке поднималась Галка. Движением руки она призывала всех к молчанию.

Глава 3

«Убит подполковник полиции, начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков». Галка все это сказала дежурному, но тому, похоже, все равно. Она стояла рядом с Тимофеем, он слышал монотонно-равнодушный голос в мобильном телефоне.

— Адрес?

— Поселок Островской, дом номер три!

У Галки голос дрожал от нервного возбуждения, а дежурный преспокойно зевал, спрашивая адрес.

— Улица?

— Да какая улица, у нас тут всего восемь домов!..

— Ждите, сейчас подъедет группа. Постарайтесь там ничего не трогать!

— Ничего не трогаем, ждем!.. Только у нас тут мост затопило, не знаю, может, вода уже сошла.

— Мост на Островской?.. Нет, вода не сошла, наводнение там у вас.

— Но вы же что-нибудь придумаете?

Галка отошла от Тимофея и унесла голос вместе с телефоном.

— Ну не знаю... На лодке можно... — сказала она. — Ждем!..

Галка выключила телефон и с плохо скрытым злорадством глянула на Тимофея. Вызвала она полицию, теперь ему никуда не деться.

— А что там у нас с мостом? Может, вода уже крайние дома затопила? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Паша.

Егор Павлович строил дом на первой линии от воды, на обрывистом берегу, это верхняя половина поселка. Домам слева по улице половодье не угрожало, а вторую линию могло и затопить, случалось такое.

— Боишься, что полиция утонет? — язвительно спросила Полина, при этом она смотрела не на Пашу, а на Галку.

— Боюсь, что труп у нас останется лежать!

— Если Тимофея посадят, я у вас тут все отберу! — пригрозила Полина.

— Что?! — встрепенулась Галка.

— А то, что слышала! Думаешь, я не понимаю? Может, это вы и убили, чтобы Тимофея посадить?

— Ну ты и дура! — Паша покрутил пальцем у виска.

— За словами следи! — вскинулся Тимофей.

— А то что? — набычился тот.

— Ну все, хватит! — Полина встала между братом и мужем.

— Никто не говорит, что Тимофей убивал! — пошла на попятную Галка.

— За что ему Родика убивать?.. — кивнула Полина. — Ну, подрались по пьяному делу, что здесь такого?

— Слово за слово... — кивнул Тимофей. — Я через полчаса уже и забыл.

— Но кто-то же убил Родика! Голову ему проломили. Там камень из бани лежит, может, им стукнули? — спросила Галка.

— Из бани?

— Из каменки...

— Это что, преступник в бане мог быть?

— Ну, может, — пожал плечами Паша.

— Вы там были? — спросил Тимофей.

— Да нет пока...

— А я вчера ночью человека видел. Перед тем как спать лечь, вышел глянуть, что с машинами, не утонули? Смотрю, а у ворот кто-то ходит... Ну, не то чтобы ходит, от машины к машине тень проскочила. Подумал, что собака...

— Собака у Петровны!

— В том-то и дело.

— Может, правда кто-то ходил? — глянув на жену, спросил Паша.

— Я подумал, что Егор Павлович, — смущенно улыбнулся Тимофей.